

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Хаки́м Бей
Обучение Кали-Юге
около 1990 г.

«Автономные зоны: временные и постоянные»,
CHAOSSS/PRESS, 2020

Перевод — Дм. Каледин (редактура — по изданию
CHAOSSS/PRESS, 2020); перевод в исходной редакции —
см. <http://imperium.lenin.ru/LENIN/32/kali-yuga.html> (проверено
21-06-2020)

ru.theanarchistlibrary.org

Обучение Кали-Юге

Хаки́м Бей

около 1990 г.

Кали-Юге осталось играть нами примерно двести тысяч лет — счастье для аватар и защитников ХАОСА, горе для браминов, яхвистов, божков-бюрократов и их прихлебателей.

Я понял, что Дарджиллинг хранит для меня какую-то тайну, едва услышав его название — *dorje ling* — Город Молнии. Прибыл я в 1969 году, прямо перед муссонами. Старая британская станция на холме, летняя резиденция бенгальского правительства — улицы как деревянные винтовые лестницы, Променад с видом на Сикким и гору Катченунга — тибетские храмы и беженцы — красивые люди из желтого фарфора, называемые лепча (настоящие аброригены) — индусы, мусульмане, буддисты, непальские и бутанские, опустившиеся британцы, которые потеряли дорогу домой в 1947 году и до сих пор обслуживают свои пыльные банки и чайные магазины.

Встретил Ганеш-Бабу, толстого саддху с белой бородой и чересчур безупречным оксфордским акцентом — никогда не видел, чтобы кто-то курил столько анаши, трубку за трубкой, — а после мы бродили по улицам, он же играл в

мяч с орущими детьми или ввязывался в базарные драки, гнался с зонтиком за перепуганными клерками, а потом заливался громким смехом.

Он познакомил меня с Шри Камарансаном Бисвасом, крошечным средних лет чиновником бенгальского правительства в поношенном пиджаке, который вызвался научить меня Тантре. Жил господин Бисвас в шатком бунгало на вершине туманного, крутого и поросшего сосной холма, и я ходил к нему раз в день, принося литры дешевого коньяка для пуджи и просто для выпивки — а он просил меня за разговором курить, потому что анаша тоже посвящена Кали.

В бурной молодости господин Бисвас был членом Бенгальской террористической партии, в которой состояли почитатели Кали и мусульманские мистики-еретики, а также левые радикалы и анархисты. Ганеш-Баба, по-видимому, одобрял его тайное прошлое как знак скрытой в господине Бисвасе тантрической силы — несмотря на его потертый, непритязательный внешний вид.

Каждый день мы обсуждали прочитанные мной страницы сэра Джона Вудроффа («Артур и Авалон») — я приходил после полудня, сквозь холодный летний туман, за дымкой и кедрами тенью возникали тибетские ловушки для духов, хлопавшие под мокрым ветром. Мы отработывали Тара-мантру, Тара-мудру (она же Йони-мудра), изучали диаграмму Тара-янтры для применения в магии. Один раз мы посетили храм индуистского Марса (как у нас — одновременно планеты и божества), и он купил мне кольцо, сделанное из железного подковного гвоздя. Коньяк, анаша.

Тара: один из вариантов Кали. Атрибуты те же: крошечная, голая, вооруженная, четырехрукая, танцующая на трупе Шивы, в ожерелье из черепов или отрезанных голов, кровь течет с языка, кожа темно-синяя с серым — в точ-

ности как муссонные облака. Дожди каждый день — дороги перекрыты грязевыми лавинами. Кончается срок моего разрешения на пребывание в пограничной зоне. Мы с Бисвасом спускаемся с мокрых, скользких Гималаев на джипе, потом на поезде и попадаем в город его предков, Силигури, на плоской бенгальской равнине, где Ганг разливается размокшей зеленью дельты.

Мы навещаем в больнице его жену. В прошлом году наводнение в Силигури убило десятки тысяч человек. Началась холера, город стоит в руинах, разрушенный и заляпанный водорослями, палаты в больнице до сих пор перепачканы слизью, кровью, рвотой, зловонными выделениями смерти. Она сидит на кровати и, не мигая, смотрит на ужасные лики судьбы. Богиня с темной стороны. Он дарит мне цветную литографию Тары, которая чудесным образом всплыла на воде и была спасена.

В тот вечер мы посещаем церемонию в местном храме Кали, маленьком полуразрушенном придорожном деревенском храме — освещение только факельное — ритмическое пение под барабаны со странными, почти африканскими синкопами, совершенно неклассическое, первобытное и в то же время бесконечно сложное. Мы пьем, мы курим.

Один, на кладбище, возле полусожженного трупа, я прохожу инициацию в Тара-Тантру. На следующий день, в лихорадке и с замутненным сознанием, я прощаюсь и отправляюсь в Ассам, в великий храм йони Шакти в Гаухати, как раз к ежегодному празднеству. Ассам — запретная территория, и разрешения у меня нет¹. В полночь я тайком схожу с поезда в Гаухати, пробираюсь назад по рельсам

¹ Ассам — запретный для иностранцев штат, т. к. там, начиная с первой половины 60-х гг. XX в., маоистские повстанцы ведут партизанскую войну за независимость (*прим. перев.*).

сквозь дождь, грязь до колен и полную темноту, попадаю наконец в город и нахожу гостиницу, полную клопов. К этому времени я измотан как собака. Не сплю.

Утром — автобус до храма, расположенного на близлежащей горе. Огромные башни, нависающие божества, дворики, приделы — сотни тысяч паломников — странные садху, спустившиеся из ледяных пещер, сидят на корточках поверх тигровых шкур и монотонно поют. Овец и голубок режут тысячами, настоящая гекатомба — нигде ни одного белого сахиба — канавы на дюйм заполнены кровью — кривые мечи Кали бьют, бьют, бьют, мертвые головы скатываются на скользкую мостовую.

Когда Шива разрезал Шакти на 53 куска и рассеял их по всему бассейну Ганга, лоно ее вывалилось из корзины. Какие-то дружелюбные священники, говорящие по-английски, помогают мне найти пещеру, где йони выставлена на всеобщее обозрение. К этому времени я понимаю, что серьезно болен, но полон решимости завершить ритуал. Стая паломников (все по крайней мере на голову ниже меня) буквально обволакивает меня, как приливная волна на пляже, и бросает меня вниз головой по душной, словно вырубленной троглодитами винтовой лестнице в клаустрофобную утробу пещеры, где, галлюцинируя и борясь с тошнотой, я плыву к бесформенному конусу метеорита, заляпанного вековыми наростами охры и топленого масла. Толпа расступается, позволяя мне набросить на йони мой жасминный веночек. Неделей позже, в Катманду, я ложусь (на месяц) в немецкий миссионерский госпиталь с приступом гепатита. Невелика цена за все это знание — печень, как у отставного полковника из рассказов Киплинга! — но я знаю ее, я знаю Кали. Да, несомненно, архетип всего этого ужаса, но для тех, кто знает, она превращается в щедрую мать. Позже, в лесной пещере над Рикшакшем я несколько дней размышлял о Таре (применяя мантру, ян-

тру, мудру, благовония и цветы) и вновь обрел спокойствие Дарджилинга, его умиротворяющие видения.

Век Ее должен быть полон ужаса, ибо большинство из нас не может ни понять ее, ни прорваться сквозь ожерелье из черепов к жасминному венку, осознав, в каком именно смысле это одно и то же. Пройти сквозь ХАОС, проехать на нем, как на тигре, принять его (даже и сексуально), питаться его шакти, его жизненной силой — вот Вера для Кали-Юги. Творческий нигилизм. Тем, кто следует ей, она обещает просветление и даже богатство — причастность к ее мирской силе.

Секс и насилие суть метафоры в стихотворении, которое действует прямо на сознание через воображение — или же, в надлежащих условиях, их можно применять и наслаждаться ими открыто, наполняясь ощущением святости всего вообще — от экстаза и дивных вин до смрада и трупов.

Те, кто не обращает на нее внимания или полагают ее чем-то от них отдельным, рискуют быть уничтоженными. Те, кто почитают ее как ишта-девата, божественное «я», ощущая ее алхимическое присутствие, видят ее Железный Век золотым.